

С. Н. НОСОВ

Проблемы истории русской культуры в трудах Н. Е. Андреева

Николай Ефремович Андреев принадлежит к поколению русских ученых, судьбы которого складывались далеко не просто, во многом трагично. Родившийся в 1908 г. в Петербурге, Н. Е. Андреев уже в детские годы оказался за пределами России. Семья Андреевых, жившая в Таллинне (родители Н. Е. Андреева были преподавателями гимназии), разделила судьбу эмигрантов в результате появления в революционные годы не существовавшей ранее государственной границы (между буржуазной Эстонией и Советской Россией), хотя «русский Таллинн» продолжал существовать в 20—30-гг. точно так же, как существовал он в составе Российской империи.

В 1927 г. Н. Е. Андреев окончил таллиннскую русскую гимназию, а в 1933 г., получив в чешском Карловом университете степень доктора философии, был принят в Пражский археологический институт имени Н. П. Кондакова, где специализировался по исторической тематике. С 1948 г. Н. Е. Андреев работал в Великобритании, в Кембриджском университете. Уже в годы работы в Праге им был написан ряд крупных историко-культурных исследований, завоевана весомая известность в кругах зарубежных славистов. Но подлинное и широкое научное признание пришло в кембриджский период деятельности, когда были созданы наиболее значимые и масштабные культурологические и искусствоведческие труды, принесшие Н. Е. Андрееву не только уважение коллег-специалистов, но и устойчивую популярность всех интересующихся историей русской культуры на Западе. Скончался он 25 февраля 1982 г. в Кембридже.

Эмигрантская судьба Н. Е. Андреева означала незнание и непризнание его трудов в нашей стране как в сталинский, так и в постсталинский периоды. В 1960—1970-х г. это было незнание в соединении с полупризнанием — некоторые работы исследователя попадали в библиотеки, но большинство их оставались неизвестными. Упоминание его имени в печати не запрещалось, но и не поощрялось. И данный очерк творчества исследователя, конечно, не случайно опаздывает более чем на десятилетие, хотя за рубежом за годы, истекшие со времени кончины Н. Е. Андреева, о его жизни и творчестве написано уже немало. «Тень» эмигрантской отверженности не исчезает вокруг имени ученого, пожалуй, и по сей день, как не скрадывается и боль его эмигрантской судьбы.

Н. Е. Андреев был специалистом широкого профиля, писавшим и о Руси древней (Киевской и Московской), и о России новой (послепетровской); он активно участвовал в зарубежной русской журналистике и стал в известном смысле летописцем русской эмиграции, писавшим о «русском Таллинне» и «русской Праге», о путях и проблемах русской литературы за рубежом. Эмигрантская судьба, мироощущение, само эмигрантское бытие, конечно, оставили глубокий след в идейном облике трудов Н. Е. Андреева, научное творчество которого можно собирательно охарактеризовать

как романтическую культурологию, как попытку научной материализации мечты о России — утраченной родины, ставшей своего рода «исторической верой». Этот ностальгический, романтически-мечтательный психологический подтекст различим во всех, даже самых, казалось бы, специальных и «сухих» по внешности исследовательских изысканиях Н. Е. Андреева.

Творческое наследие ученого многообразно. Но при всей разнотемности его научных работ, при всей широте его научных интересов, а порой и известной пестроте тем и проблем, ставших предметом его исследовательского внимания, труды Н. Е. Андреева производят впечатление устойчивого идейного единства, согласованности, цельности. Единая общетеоретическая направленность прослеживается в его творческом наследии очень и очень отчетливо. Применительно к древнерусской культуре — это попытка выявить значение византийского наследия для России. В последующий исторический период — стремление определить роль христианско-византийских начал русской культуры в формировании духовного облика России нового времени. Россия как наследница византийского гуманизма, сохранившая в самих основах национального бытия глубинную связь с греко-византийской культурой, — такова в общих чертах концепция-мечта исследователя; это даже не идея, а вдохновлявшее его идейное веяние, по истокам своим далекое от бесстрастной объективности, но сопрячающее подлинной научной интуиции, в сфере гуманитарных знаний необходимой и неуничтожимой.

Одним из основных предметов исследовательских изысканий Н. Е. Андреева было иконописное искусство Древней Руси. Русская иконопись рассматривалась ученым прежде всего как отражение общедуховного и даже идеологического «лика» древнерусского общества, а эволюция иконописного искусства — как выражение социально-культурного развития России.

Первым крупным исследованием Н. А. Андреева была написанная им по материалам докторской диссертации работа «О деле дьяка Висковатого» (*Seminarium Kondakovianum. Prague, 1932. V*). Дело дьяка Висковатого, рассматривавшееся в Московском синоде в 1553—1554 гг., интерпретировалось Н. Е. Андреевым как политический процесс, в ходе которого развернулась острейшая и принципиальная борьба идей, столкнулись две противоборствующие тенденции — московско-автократическая, отстаивавшаяся Висковатым, и либерально-реформаторская, «западническая», глашатаем которой стал священник Сильвестр. Столкновение Висковатого и Сильвестра трактовалось исследователем не как узкоцерковный спор о канонах иконописания, а как выражение борьбы общегосударственного значения. Речь не шла, конечно, как пишет Н. Е. Андреев, о прямом перенесении на московскую почву вслед за новгородскими иконографическими традициями новгородских «республиканских» политических институтов. Но оживление идейных веяний, чужеродных автократическим московским порядкам, было на процессе, по мнению исследователя, несомненно. Так, Н. Е. Андреев писал: «Мы не имеем данных утверждать, что Сильвестр стремился Москву превратить в Новгород; наше толкование поведения Сильвестра иное: с точки зрения Висковатого, представителя самодержавной тенденции в политике Москвы, можно было опасаться переноса некоторых специфических черт новгородских устроений в действия Московского правительства».¹ Вывод исследовательски взвешенный, не идущий много далее того, о чем говорят конкретные факты, но тем не менее достаточно значимый. Прочтение борьбы Висковатого и Сильвестра оказывается, так сказать, глобальным: в глазах Н. Е. Андреева в этой борьбе нашло выражение, из тайного стало явным соперничество тех

¹ A n d r e e v N. *Studies in Muscovy: Western Influence and Byzantine Inheritance*. London, 1970. P. 216.

сил и тенденций, которые составили исторический смысл эпохи. По мнению ученого, Висковатый действовал и как один из первых на русской почве сторонников критического пересмотра византийского художественного наследства,² неудобного и ненужного идеологически агрессивной московской автократии ввиду его «избыточной» духовности, которая не содействовала культу беспрекословного подчинения власти. Позиция Висковатого, таким образом, «охранительна» двояко — и по отношению к западным, «латинским» влияниям, и по отношению к традициям византийской культуры. Н. Е. Андреев показывает, что как раз «проигравшая» на процессе Висковатого сторона, представленная самим дьяком и его сторонниками, исторически оказалась победительницей — провозвестницей укрепления московской автократии.

XVI век — переломный в истории России, решающий для последующих судеб русской государственности, «предсказавший» во многом и события Смутного времени — приковывал исследовательское внимание Н. Е. Андреева на протяжении всей его жизни. И это не случайно: переломные, кризисные эпохи есть и эпохи решающие. В них влечет неоднозначность, обнажение противоречий, позволяющее наглядно наблюдать обычно скрытые, подспудные процессы истории. Многостороннее и, можно сказать, разноаспектное исследование социальных истоков и политических мотивов острой борьбы в русском иконописном искусстве XVI в. и в русской культуре этого периода в целом стало, пожалуй, стержневой темой большинства научных трудов Н. Е. Андреева.

Исследователем подробно прослежено становление и развитие реформистских, связанных и переплетающихся с западными влияниями тенденций в русской иконографии на всем протяжении царствования Ивана Грозного. Проблема традиции и реформаторства в иконописи XVI в. посвящена, в частности, работа Н. Е. Андреева «Иван Грозный и иконопись XVI века» (*Seminarium Kondakovianum. Prague, 1938. X*), в которой *доказывается историческая значимость не столько новгородских (явно ослабленных в XVI в.), сколько псковских иконописных традиций в Московской Руси этого времени. Подчиненный Москве, но не разгромленный, находившийся в непосредственной близости к Литве Псков, по мнению исследователя, оказался «передаточным звеном» западных влияний.*

Исторические и общекультурные аспекты иконографии рассмотрены и в ряде других исследований Н. Е. Андреева: «Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства» (*Seminarium Kondakovianum. Prague, 1935. VII*), «Инок Зиновий Отенский об иконописании и иконопочитании» (*Seminarium Kondakovianum. Prague, 1936. VIII*). Немало занимался Н. Е. Андреев — прежде всего в культурологическом ключе — историей Псково-Печорского монастыря. Этой теме посвящены такие его работы, как «Псково-Печорский монастырь в шестнадцатом веке» (*Slavonic and East European Review. London, 1954, June. XXXII, 79*) и «Был ли Псково-Печорский монастырь цитаделью Нестяжателей?» (*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1969, 17,4*). Конкретные, основанные на погружении в «стихию факта» эти исследования также отражают общую направленность научных изысканий Н. Е. Андреева — поиск синтеза византийских и западноевропейских влияний на русской почве, того синтеза, который согласно заветной идее исследователя стал отличительной чертой России, стал основой ее культурной самостоятельности среди других европейских культур.

Н. Е. Андрееву принадлежит обстоятельнейшее исследование взаимоотношений князя Курбского и старца Вассиана Муромцева в работе «Письма Курбского Вассиану Муромцеву» (*Slavonic and East European Review. London, 1955, June. XXXIII, 81*). В этом труде Н. Е. Андреев доказывает, что письма Курбского Муромцеву были написаны задолго до

² Ibid. P. 240.

побега Курбского в Литву, между декабрем 1563 и апрелем 1564 г. Принципиально по выводам исследование Н. Е. Андреева «Филофей и его послание Ивану Васильевичу» (Slavonic and East European Review. London, 1959. XXXVIII, 90), в котором доказывается, что этот первостепенного исторического значения документ обращен не к Ивану IV, а к Ивану III и датируется примерно 1500 г. Н. Е. Андреев акцентирует внимание на псковском происхождении послания старца Филофея — по его мнению, именно в Пскове, подверженном западному влиянию, рождается идея общеисторического призвания московского государства как «Третьего Рима», идея, диктуемая, таким образом, не московским «изоляционизмом» и противопоставлением России и Запада, а общеевропейской ролью Московского государства. Так, Н. Е. Андреев пишет: «Принципиально важно иметь в виду, что Филофей был гражданином Пскова и был, следовательно, способен наблюдать за Москвой и великим князем с периферии событий. . . как житель западных пограничных регионов России, достаточно отдаленных от столицы, он был способен ясно различить, более ясно в действительности, чем сами москвичи, возвышение и рост Москвы при Иване III».³

Может быть, с наибольшей яркостью итоги изучения Н. Е. Андреевым древнерусского искусства поведены в его труде «Литература и иконопись: К истории идей в Московской Руси» / To Honor Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967). Исследователь всегда стремился выявить в первую очередь связующие элементы русской истории, те силы и начала, которые противостояли ее «дроблению» на взаимно враждебные эпохи и этапы. Основная идея создателей «государственной школы» в русской исторической науке — идея тождественности исторической закономерности и исторической необходимости и вытекающее из нее убеждение, что история «не отстает» и силы прогресса есть всегда те силы, которым суждено было победить в истории, — была воспринята Н. Е. Андреевым, пожалуй, в неизменном виде. С «государственной школы», гегельнской в своих истоках точкой зрения, что все так или иначе актуализировавшееся, «явленное» в истории есть вместе с тем и «разумное», вряд ли можно согласиться, в частности, если иметь в виду русскую историю XX в. Славянофильская историография, как известно, всегда «опротестовывала» идею тождественности исторической эволюции и исторического прогресса, настаивая на том, что не всякий исторический «покой» есть застой и не всякое историческое изменение есть изменение к лучшему. Но в истории вообще и в истории культуры в особенности нет идей абсолютно бесспорных, бесспорны только факты. Настаивая на значении преемственности в русской истории и, быть может, оставляя в неоправданной тени ее изломы и коллизии, Н. Е. Андреев акцентировал внимание на том позитивном и светлом — как в культуре, так и в социально-политической жизни России, — чему суждено было дать реальные и значимые плоды, что, так сказать, сумело прорасти из прошлого в будущее.

XVI столетие исследователь считал кульминацией процесса «самовозгорания» русской культуры и как бы зеркально отраженного в явлениях культуры поступательного общественного развития России. Так, в названной выше работе «Литература и иконопись: К истории идей в Московской Руси» он писал: «XVI век — для нашей темы — оказывается особенно выразительным. Ему, как и всей Московской Руси, долго отказывали в динамичности, в подъеме идейной жизни, в собственных чертах сознания. Нашумевшие определения Н. А. Бердяева как бы подводили итог целой эпохе отношения к возникновению «империи» Грозного, многонационального государства, централизованной державы: «Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатски-татарским по своему типу. . . Характерно исчезновение

³ Ibid. P. 13.

святых князей после перенесения греховной власти на великих князей московских. . . Иосиф Волоцкий — роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства. Вместе с Иоанном Грозным нужно считать его главным обоснователем русского самодержавия. . .» (цитата взята Н. Е. Андреевым из книги Н. А. Бердяева «Русская идея», — С. Н.). Бердяев, к сожалению, обладал малым чувством историчности. На самом деле Московская Русь полна идейного движения и — в частности, ее XVI век, чрезвычайно оживленный и полный важнейшего содержания этап в развитии русской мысли, этап идейной борьбы едва ли не во всех областях тогдашней культуры».⁴ Н. Е. Андреев рассматривает идейное брожение в России XVI в. не как «глухой» отголосок европейского Ренессанса, а как итог сформированного в значительной мере по византийскому образцу союза светской и духовной власти. С его точки зрения, общее идейное оживление в России «связано в первую очередь с победами того крыла церкви, которое называют „стяжателями“».⁵ Историческая роль иосифлян, или «стяжателей», как доказывает Н. Е. Андреев, безусловно позитивна, поскольку иосифлянское руководство церкви пошло на исторически плодотворный союз с самодержавной властью, обогородивший облик русского самодержавия, связавший российскую монархию с православно-христианским учением о прерогативах светской власти.

Культурологические идеи Н. Е. Андреева — романтические и в своем пафосе, и в своих истоках. Не стремление возвеличить саморазвитие государства, но вера в Россию как в национально-государственную общность, не «косметически» лишь усвоившую византийское наследие в культуре, но ставшую его хранительницей и продолжательницей в истории, стала вдохновляющим началом его изысканий. В этом смысле исторические труды Н. Е. Андреева по своим идейным ориентирам расположены как бы на «перекрестии» между западничеством и славянофильством: согласно логике взглядов исследователя европейская культура воспринята Россией издревле, от Византии, и далее развивалась уже отнюдь не самостоятельно. Представить русскую историю «заблудившейся», несмотря на глубоко неприязненное отношение, скажем, к сталинскому режиму, Н. Е. Андреев не хотел, не мог — не считал несвободу органически вытекающей из основных начал русской истории.

Андреев был тесно связан с блестящим поколением русских ученых, работавших в послереволюционное время в эмиграции; среди них достаточно привести имена Кизеветтера, Острогорского, Кондакова, Толля. Он был не только ярким исследователем, но и подлинным представителем русской интеллигенции в высоком, этическом значении этого понятия.

В кембриджский период своей научной деятельности Андреев выступал как пропагандист русской культуры на Западе. Блестящий лектор, он обычно читал лекционные курсы по русской истории на родном языке, стремился писать и публиковать свои научные труды на русском языке. Прекрасно владея художественным словом и обладая даром популяризатора, Н. Е. Андреев нередко сотрудничал с западными издательствами художественной литературы, готовя предисловия к изданиям русской классики. Ему принадлежат вступительные статьи к изданиям на английском языке избранных произведений Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Льва Толстого. Часто выступал Андреев и как критик в многочисленных и самых разнообразных эмигрантских издательствах, немало писал о Б. Зайцеве, Бунине, Набокове, Ремизове, Цветаевой. Не все, написанное им в этом жанре, равноценно, многое рассчитано на специфически эмигрантское бытие. Но в целом даже самые незначительные на вид заметки и статьи Н. Е. Андреева хранили следы той не стертой жизнью на Западе «русскости», которая в конечном счете была более всего

⁴ Ibid. P. 69—71.

⁵ Ibid. P. 70.

ценна и читателям, и самому автору, — эмигрантское бытие не превращалось в небытие.

Каждый эмигрант, не утеревший связи с национальными корнями, независимо от масштаба и типа своей личности творит в сознании — таков итог всякой ностальгии — свой, можно сказать, интимный образ родины. Был такой образ, образ «своей России», и у Н. Е. Андреева. И замечательно, что этот образ остался светлым, даже благостным. Боль об утрате родины зрима, а желчи, раздражения, злой горечи нет и следа.

Конечно, деятельность Н. Е. Андреева не только в зарубежной русской журналистике, но и в науке мало известна в нашей стране — те издания, в которых он сотрудничал, в основном просто отсутствуют в библиотеках. Недавно, однако, вдовой ученого Д. Андреевой любезно передано в библиотеку Пушкинского Дома фактически в полном объеме опубликованное творческое наследие Н. Е. Андреева — оттиски, ксерокопии статей и публикаций, целый ряд статей о его жизни и творчестве, появившихся на Западе.

Николай Ефремович Андреев был одним из тех ученых широкого профиля и широкой эрудиции, творчество которых имеет общекультурную значимость. Как яркого представителя русской культуры его ценили и ценят на Западе. Сам ученый не терял веры в признание и на родине. Ныне это признание — по крайней мере возможность.